Арфи 2009

АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО ФУРРИ ИСКУССТВА

Арфи

В НОМЕРЕ

“Стихи о звере” Hidden Fox, стр. 31
“Дом и его химеры” (отрывок) Hunter, стр. 37
“Каменный зверь” Саурриан Айлириэн, стр. 48
и многое другое...

FurNation.Ru

За синей полоской неба,
Там, где гнездятся птицы,
Там, где никто не был,
Мечта твоя зародится...

Вступительное слово

Приветствуем, фуррики-читатели! Представляем вашему вниманию новый выпуск Арфи, на основе материалов 2009го года.

В этот раз, мы немного уменьшили объем журнала и включили в него лишь наиболее интересные, с нашей точки зрения, произведения. Многие авторы данного выпуска уже известны постоянным читателям, но мы хотели бы обратить ваше внимание и на новые для нас имена и их творения: философские зарисовки “Стихи о звере“ (Hidden Fox). Рассказы “Каменный зверь” (Саурриан Айлириэн) и “Крылья“ (Bay-shore).

Среди произведений выпуска, могут встретиться необычные, сложные, тексты. Хотелось бы, чтобы это не помешало читателям сделать попытку понять их и оценить по достоинству. В определенные моменты, важно обратить больше внимания непосредственно на мысль автора, а не только на форму изложения. Нужно помнить, что для традиционной культуры, фурри также является феноменом не всегда понятным. А порой оценивается и воспринимается совершенно не так, как мы воспринимаем его сами. Именно по этой причине, нам может быть полезно, порой, искать новые пути выражения своих внутренних переживаний, новые формы, чтобы точнее передать свои идеи собратьям фуррикам.

К сожалению, нам не удалось включить в выпуск всех авторов и все произведения, которые нам прислали. Все, что не поместилось на бумаге, можно будет найти на сайте журнала - arfi.furnation.ru. А на прилагаемом компакт диске размещено музыкальное творчество представителей фурри сообщества.

Надеемся, что каждый читатель найдет в этом выпуске что-то интересное для себя. А авторы будут радовать нас новыми произведениями каждый год.

Оглавление

Поэзия и проза

Аррисар Эсарен

Крылья 6

Bayshore

Крылья.....8

Дженни

“Протяну тебе я лапу, хитро улыбнусь”.....16

Фаэрт

Карниз 17

Шаг в полнолуние 17

Чудеса 18

Foxel the lion

Слово 19

Gold-Black Riddle Lioness

Страшно.....26

Наши дни 26

Не пугайся, котенок 27

Мечта 28

Чудо.....28

Ангелы 30

“Прошло время. Ты другим улыбаешься в аське..” 30

Hidden Fox

Стихи о звере 31

Стихи о Лисах.....34

Стихи о Любви..... 35

Hunter

Дом и его химеры (отрывок).....37

Мяддиб

Три страницы грусти.....44

Саурриан Айлириэн

Каменный зверь.....48

Snowy Wolfy

Мышиный король 52

Snow

Волчий вой.....53

Волк 53

Нежный шторм 54

StormWind

“Отворить дверь нельзя..”..56

Внутреннее перекрыто.....56

Taka-Timon

Взаимосвязь 57

Художники

Bastas777

Для Арфи2009 (рис.) 7

Just Foxy

^_^ (рис.)..... 25

Koul

Поживем увидим (рис.) 15

Lonelywolf

Wolves (рис.)..... 51

Max Haibane

Kitsune (рис.)..... 29

Alone (рис.)..... 36

Sai 1st try (рис.)..... 57

Рагнарек

Werewolf. Today's time. (рис.) ... 55

Ranmaru

003 (рис.).....54

Саурриан Айлириэн

Каменный зверь (рис.)..... 43

Snowy Wolfy (Снеж)

Утопая во льду (рис.) 47

Контактные e-mail авторов и редакции АРФИ 58

Создатели журнала и авторы иллюстраций.....59

Музыкальный диск

Приложение к журналу АРФИ 2009

1. Квэнек - Дождь
(Эксклюзивно для диска АРФИ)
2. Tisero - Закрытие FYRC
3. Tisero - Выходной
4. Tisero - Night Under The Moon
5. Tisero - Прогулки
6. Rom - Зов
7. Rom и Кейси Фокс - Новая Классика
8. Rom - 15 Ноября
9. Fox Avril - Tenkuu No Shiro Laputa
10. Fox Avril - Восточный Танец
11. Fox Avril - Солнечное Утро

Сведение композиций “Night Under The Moon”, “Новая Классика” и мастеринг диска - Квэнек (HMage).

Оригинал композиции “Дождь” принадлежит MartinWolf, композиция публикуется с разрешения автора.

Соавтор композиции “Новая Классика” - Кейси ‘Silencio’ Фокс. Все композиции принадлежат их авторам.

Диск в формате Audio CD.

Аррисар Эсарен

arrisar@gmail.com

Крылья

Черные листья падают, кружатся
И устилают старую тропу.
Черные птицы в высь лететь боятся,
Сверху не подняться...
Скоро пропаду.

Нет, мне неизвестно, что же будет дальше
Там, за поворотом, той лесной тропы.
Нет, никто не скажет, страха не покажет,
Крылья не развяжет…
До самой темноты.

Странные тайны, странные тревоги -
Для меня чужие, но для них свои.
Будут здесь и дальше странные пороги,
По ним пройдутся ноги…
Даже и мои.

Сколько путь уж держим, будет день повержен
Вечною силой ночи колдовской.
Да, уже испуган, да уже несдержан,
Не самоотвержен…
Сам себе не свой.

Вот уже и место, вот уже и время,
Сложно в это верить — мы в конце пути.
Крылья мне развяжут, и исчезнет бремя,
Хоть уже не веря...
Мне ведь не уйти.

Bayshore

Конкурсная работа (конкурс “Призыв весны”), выбранная общим голосованием пользователей форума forum.furry.ru и предложенный для публикации в Арфи администратором форума - Foxel the Lion

Крылья

…Я бегу! Бегу так быстро, что мои лапы почти не касаются земли… Утренний морозный воздух бьёт в лицо, играя ярко-рыжими прядями волос… Ветви деревьев, склонившиеся над прошлогодней пожухлой травой с островками позднего грязно-серого снега, хлещут моё тело… Но я не чувствую боли…

Я свободен! Я ощущаю свободу кожей, я вдыхаю её аромат полной грудью — и это пряные, дурманящие запахи старой травы, молодых побегов и набрякших почек… Я растворяюсь в этих запахах, растворяюсь в солнечном свете, пробивающимся сквозь могучие кроны деревьев, растворяюсь в свежести этого утра… Я ещё никогда не чувствовал себя настолько живым! Я понял, что до этого утра я не знал, что такое весна…

Я не знал, что такое свобода… И я чувствую, как за моей спиной раскрываются крылья!..

* * *

Трель жаворонка неслась над заспанными городскими улицами, над колоссом ратуши, над приземистыми домишками простолюдинов и над резными крышами лордов и купцов. Крохотная точка в небе то взмывала вверх, исчезая в весенней лазури, то вновь неслась к земле, повторяя ход замысловатой мелодии. Утренний весенний воздух словно дрожал от возбуждения, наполняясь серебряными переливами песни пернатого менестреля, и Андреас пытался сделать вдох поглубже, чтобы захватить в себя частицу этой дивной песни. Насколько позволяла ширина решётки, лис протиснул узкую мордочку между холодными прутьями и жадными

глотками пил свежесть утра, пытаясь заглушить привкус затхлого воздуха темницы. Он жмурился от удовольствия в лучах солнца, в то время как лёгкий ветерок колыхал мягкую шёрстку на его голове. В уголках глаз Андреаса заблестели слёзы.

Быть там! В бесконечности неба и весны! Летать над облаками и петь вечную песню весны! Прочь от земли! Прочь!.. Жаворонок сделал ещё один круг над городом и, внезапно рванувшись ввысь, растворился в небе.

Уже через несколько мгновений Андреас лежал ничком на холодном полу, тщетно пытаясь подавить рыдания, рвущиеся из груди. Когти в бессильной злобе и отчаянии скребли по камням темницы. Мечты о свободе останутся мечтами до конца его жизни. И Андреас знал, что ждать осталось совсем недолго…

Лязг ключа в замке заставил Андреаса вскочить на ноги; его уши отогнулись назад, а верхняя губа чуть дрогнула, обнажая острые клыки. Цепи, удерживающие его руки натянулись и задрожали, когда Андреас бросился в сторону массивной кованой двери, встречаясь лицом к лицу со своим тюремщиком, взглядом изумрудных глаз прожигая насквозь его ненавистную физиономию.

Ни один мускул не дрогнул на морде черно-бурого лиса, вошедшего в камеру Андреаса. Он привычным жестом – небрежным кивком головы – смахнул со лба длинную чёлку и встретился взглядом с пленником, осмелившимся в очередной раз бросить вызов самому Клауду Брайссу, начальнику стражи Корнвелла. Несколько долгих мгновений продолжалась эта молчаливая дуэль, пока Андреас не опустил глаза, признавая своё поражение.

— Браво, мой друг, — в голосе Брайсса не было и намёка на насмешку. – Это на две секунды дольше, чем в прошлый раз…
— Не смей называть себя моим другом, тварь! – прошипел Андреас, опускаясь на соломенную подстилку в дальнем углу камеры. – Тебе больше нечем заняться?

Брайсс улыбнулся, и в этой улыбке не было и намёка на какое-либо чувство: так могла бы улыбнуться скала, нависшая над кромкой бушующего океана. Волны с силой бьются об её острые грани и разбиваются одна за другой,

не в силах сотрясти колосса. Шторм всё бушевал, а скала так и стояла на своём месте. Эти глупцы пытались запугать Брайсса бесконечными угрозами, бросались на него, словно дикие псы, но он выдерживал удары стихии подобно скале. Они приходили и уходили, некоторые – навсегда, а Клауд Брайсс оставался. Последнее слово было за ним.

— Честно говоря, дел невпроворот. Я заскочил к тебе, чтобы поделиться свежими новостями…

Андреас стиснул зубы.

— Новости хорошие, мой дорогой Андрэ! Твои друзья свободны!

Андреас не смог сдержать возгласа удивления.

— Они выдали главного заговорщика вашей шайки и дали все необходимые показания… Всё кончено!

На Андреаса словно вылили ушат ледяной воды. Он застыл на месте, не в силах принять сказанное Брайссом за правду.

«Кристиан!»

— Вы не сможете ничего доказать! У вас не выйдет! – хриплый крик сорвался с его губ, отражаясь эхом от бесчувственных стен.

— Ты предстанешь перед судом через неделю. Обвинение — преступлении против короны и нашего народа, государственная измена, попытка вооружённого восстания… Его величество милостиво предоставляет тебе защитника, от которого ты, собственно, можешь отказаться. И, как твой последний друг, советую тебе сделать это. Не стоит оттягивать неизбежное…

***

…Я останавливаюсь, когда воздух кажется мне раскалённым свинцом, льющимся в глотку, когда дышать становится просто невероятно больно... Я прислоняюсь спиной к дереву и медленно сползаю по стволу, с наслаждением вытягиваю ноющие лапы и закрываю глаза. Пульс огромным молотом бьётся в висках, сердце рвётся из груди… Я

стараюсь дышать медленнее, но то и дело срываюсь на лающий кашель. Я стараюсь не думать о погоне. Я просто лежу на холодной земле, не в силах подняться. Если они возьмут мой след – что ж, так тому и быть. Но я не умру в этом каменном мешке! Не умру под улюлюканье толпы… Своего народа, ради которого мы…

Кашель превращается в смех… Как долго во мне будет жить этот напыщенный лорд Андреас Торвальд? Революционер, борец за права народа, за свободную республику? Где вы, лорд? Где ваш дофин? Где это незаконнорожденное дитя, бедный бастард, которого вы хотели посадить на трон? Где ваш сенат, мессир Торвальд? Где ваш любимый Кристиан, за которым вы пошли в огонь и воду, а пришли на эшафот?.. Где же ты, мой лучший друг – господин Брайсс? Что же ты медлишь?

Хриплый смех, похожий на карканье ворона, постепенно смолкает. Это истерика… Успокойся… Ещё один вдох… Дыши, пока можешь – дыши!..

Когда грудь перестаёт походить на кузнечные меха, я позволяю себе открыть глаза. Я вижу ярко-зелёные тонкие листья молодой травы, пробивающейся из-под холодной земли, вижу, как капли росы дрожат на кончиках тонких стебельков, вижу солнечный свет, разбивающийся в этих каплях на разноцветные лучи. Волны крови, бегущие по венам, отдаются лёгкими толчками в подушечках пальцев, и вот мне кажется, что я чувствую сердцебиение самой земли, проводя рукой по влажной лесной подстилке.

…Я живой!..

Я чувствую каждый лучик солнца, каждое дуновение ветерка, каждую травинку, которой касается моё тело. Я чувствую – только теперь – что такое весна. Что такое свобода…

Через десять минут блаженного отдыха, дарованного мне не иначе как самими небесами, я, наконец, чувствую в себе достаточно силы, чтобы встать. Слегка пошатываясь, я бреду вперёд сквозь редеющий лес, и чувствую, как силы потихоньку вновь наполняют меня. Я ускоряю шаг, и выхожу на опушку леса.

Огромное поле раскидывается передо мной, и всюду, куда хватает глаз,

молодые ярко-зелёные ростки плотным ковром устилают землю. Серебро реки рассекает долину надвое и широким потоком струится вдаль, далеко за горизонт, где лазурь неба встречает изумруд земли…

И я почти бегу к реке, предчувствуя прикосновение губ к её прохладным водам. Предчувствуя тот момент, когда я упаду на колени перед ней и почувствую на своих губах ледяную воду, словно в страстном поцелуе сливаясь с всепоглощающей весной… И я чувствую, как за моей спиной вырастают крылья…

* * *

Стражники грубо толкнули Андреаса, отчего он чуть не упал на пол своей каменной темницы, швырнули ему кусок чёрствого хлеба и закрыли тяжёлую дверь. Молочно-белый диск луны скрылся за облаками, и ни одна звезда не решила заглянуть туда, где на соломенной подстилке, свернувшись калачиком, лежал Андреас. Теперь ему незачем было скрывать своих слёз, и его истощённое, покрытое ссадинами и старыми шрамами тело сотрясалось от рыданий.

Его не страшила смерть, что ждала его на следующее утро. Он не молил небеса о чуде. Он не просил даровать ему свободу. Его губы шептали снова и снова одно и то же имя.

— Кристиан! Кристиан!..

— Торвальд! – тихий голос, треск огнива – яркое пламя факела выхватила из кромешного мрака камеры фигуру, укутанную в серый, грубо сотканный плащ. Андреас вскочил на ноги и бросился прочь от призрака, но скоро уткнулся в холодный камень стены и повернулся лицом к нежданному гостю. Тот откинул капюшон с лица, открыв в дрожащем свете факела свой лик. Тонкая мордочка с бегающими чёрными бусинками глаз, жёсткая бурая шерсть и длинные резцы с первого взгляда выдавали в нём Лазара – крысу-слугу Кристиана.

— Что тебе нужно? – голос пленника всё ещё дрожал.

Скрипучий шёпот был ему ответом:

— Мне не нужно ровным счётом ничего, лис! Это тебе нужно кое-что! Мой господин просил передать тебе это письмо и это…

Бросив в сторону Андреаса смятый клочок бумаги, крыс ещё некоторое время копался в складках плаща, прежде чем извлечь на свет изогнутый металлический предмет.

— Это ключ, что подарит тебе свободу. Поспеши!

«Зачем?» — пронеслось у Андреаса в голове. «Зачем бежать? Зачем оттягивать неизбежное? Зачем жить, если то, во что ты верил, умерло на твоих глазах?»

Он бросил взгляд на то место, где только что стояла таинственная фигура, но увидел только неровные стыки каменной кладки, освещённые факелом, забытым таинственным посланцем. Дрожащими пальцами он развернул записку и стал читать. С первого взгляда он узнал этот почерк, и по его спине пробежала волна дрожи.

«… Мой милый Андреас! Если ты читаешь эти строки, значит, нам не суждено больше увидеться. Я сделал свой выбор между нашей дружбой, нашим братским чувством, нашей мечтой… и свободой! Республика – это химера, Андреас, недостижимая цель, за которой скрывается тот же деспотизм и абсолютная власть сильного над слабым, пусть и прикрытая сладкими речами. Наша маленькая революция провалилась, и всё, что нам остаётся – это спасать себя!.. Прости, что своей ложью я привёл тебя на плаху, но разве в твоих лапах не ключ к свободе? Мы свидетельствовали против тебя, купив себе жизнь, дабы мы смогли спасти тебя… Ты нам дорог, и мы не желаем твоей смерти. Я не желаю этого... На обратной стороне записки карта тайной тропы, по которой мои люди увезли дофина. Моё старое имение в Шато д’Иль станет убежищем вам обоим. По ту сторону Лэссы тебе никто не сможет чинить препятствия, и ты будешь свободен. Мои друзья позаботятся о тебе. Прости меня за всё, что я был вынужден сказать о тебе на слушании… Прости за то, что впутал тебя во всё это… Прости меня – и прощай!..»

* * *

Они нагнали меня на второй день почти у последнего поворота реки – того, за которым находился нужный мне мост. Хвала небесам, я услышал их

раньше и нырнул в прибрежные заросли ивняка. Осторожно, не привлекая внимания, я шёл почти у самой кромки бурлящей, полноводной Лэссы, и её поток указывал мне направление. Плотный покров молодых деревцев надёжно скрывал меня, но мои преследователи упрямо шли за мной.

Когда впереди показались опоры моста, я понял – спасён! Я прибавил шагу и почти побежал к мосту, зная, что теперь только скорость может меня спасти. Илистый берег затягивал лапы в тиски, но меня уже не остановить. Я уже не бегу – я лечу над землёй, словно белоснежные крылья за спиной несут меня к моей свободе!

Всю свою жизнь я думал, что знаю, что такое свобода. Я думал, что молодой дофин, взойдя на престол вместо властного и непреклонного дяди, обеспечит поддержку молодому сенату, даровав тысячам своих подданных свободную жизнь. Так говорил Кристиан – мой друг, мой наставник, мой брат…

Химера. Иллюзия. Обман.

Нет большей свободы чем та, что дарована тебе небесами, и никто не сможет отнять её у тебя или подарить, словно дешёвую куклу. С рождения и до смерти мы свободны, и наша свобода зависит от нас. Поэтому я и не виню Кристиана за его предательство. Он всего лишь сражался за свою свободу. Когда-нибудь, за пеленой этого мира, мы встретимся и предстанем перед судом Времени. Но сейчас …

… Я лечу… Лечу навстречу ветру и солнцу, навстречу весне, скинув ненужный груз старой жизни. Моя свобода ждёт меня. Не в замках и дворцовых коридорах, не в соборах и на площадях, а в моём сердце, в котором отныне и навсегда будет звучать пронзительная трель жаворонка…

Вечная песнь весны!

…Я слишком поздно понимаю, что мост сломан. Опоры сиротливо стоят на берегах Лэссы, а огромные канаты, что держали полотно моста, почти полностью сгорели– их оплавленные обрывки трепещутся в водном потоке.

— Ты проиграл, мой друг! Теперь всё кончено!

Я знаю этот голос. Моё седце пропускает несколько ударов, прежде чем начинает биться вновь.

Брайсс, ты всё же догнал меня!

— Чего ты добился? Что ты здесь искал? Своего дофина? Так он ждёт тебя на дне Лэссы, и ты всего в двух шагах от того, чтобы встретиться с ним!

Еле успев остановиться на краю обрыва, под которым бушуют пенные воды Лэссы, я оглядываюсь назад. Мои палачи не торопятся. Впереди них идёт он – Клауд Брайсс, не знающий покоя тюремщик. Чёрный хвост мечется из стороны в сторону, нагрудные пластины доспеха вздымаются в такт дыхания. Они останавливаются всего в десяти шагах от меня. Его свора наводит на меня стволы мушкетов…

— Всё кончено, Андрэ!

Но я спокоен. Я знаю, чего я хочу… Я смогу доплыть до другого берега. Это невозможно, но только не для меня. Не для того, кто обрёл свободу.

Я медленно поворачиваюсь к обрыву и в тот самый момент, когда оружейные залпы разрывают тишину утра, я прыгаю…

Жаворонок, встревоженный канонадой, взлетает ввысь. И я падаю в распахнутую передо мной кристально чистую лазурь неба. Я лечу за ним!..

Огонь обжигает спину, волны агонии захлёстывают меня, когда свинцовые пули находят свою цель. Пусть они думают, что достали меня…

Это не боль от ран.

Я-то знаю, что это растут за спиной мои белоснежные крылья…

2009, май.

Дженни

maali2007@rambler.ru

* * *

Протяну тебе я лапу, хитро улыбнусь,
Пусть луч света в темном царстве смоет твою грусть.
Пусть умоет дождик ранний каплями любви,
Выше хвост и выше ушки, фуррик, не грусти!
Пусть тебя обнимут лапы дорогих друзей,
Пусть покажут кинофильмы, отведут в музей.
Ты подальше слезы спрячешь, позабыв о том,
Что бывали неудачи на пути твоем.

Фаэрт
tigr-i-k@yandex.ru

Карниз

Люблю я прогуляться по карнизам!
С них хорошо смотреть и вниз и вверх.
Театра жизни открываются кулисы,
И здесь актеров ждет всегда успех.

Тут люди ходят строем, не зная свои роли,
Машины луж водою заливают тротуар.
Сижу я на карнизе, сарказм мой скуки доля.
Тех, что внизу сегодня, мне совсем не жаль…

Зелеными глазами я мир обозреваю,
Но зрителем навечно мне не стать
Сижу я на карнизе и думаю о вечном…
Ну все! Мне надоело, пойду рассказ писать!

Шаг в полнолуние

Шаг в полнолуние, как жизнь за любовь.
Ночи безумие прольет чью-то кровь.
Лица размазаны, как крик по стеклу.
Шаг в полнолуние, как будто в бреду.

Город растерзанный, окна глазниц,
Солнце стеклянное, лампой звенит.
Люди как звери, но нет здесь зверей.
Окна и двери, ночь закрытых дверей

Свет уже меркнет, мерцают огни,
В полночь сегодня застынут они.

Мысли сумбурны, плетенье дорог,
Тихая поступь на чей-то порог.

Шаг в полнолуние, шаг в искушение.
Ночь принесет в этот мир изменение.
Звезды и росчерк когтей на ветру…
Шаг в полнолуние... Всё... Я иду!

Чудеса

Порою хочется оставить
Проблемы все на полчаса
Гулять по крышам под луной
Творить простые чудеса

Бродить с улыбкой под дождем
Смывая в ночь асфальта ворох
Зайти незваным в чей-то дом,
Свернуть бетонных зданий горы

Летать над городом большим
И звать кого то к мелким звездам
Сказать: «Пошли со мной мечтать»
Ведь спать сегодня слишком поздно

Пусть мне твердят чего хотят
Я мертвецов речам не верю
Для тех кто чудом может стать
Путь через окна, а не в двери

И встал мой стих на запятой
,

Foxel the lion

foxel@quickfox.ru

Слово

Дарите время любимым и родным.
Время - единственное, что дано нам изначально.
Все остальные блага мы вольны выкупить,
отдав часть своего времени.

Как прекрасен лес зимой. Мороз щиплет тебя за нос, но ты этого не замечаешь, ведь вокруг все сияет белой россыпью алмазов. Красиво...

На краю ельника послышался шорох. Ветки, нервно вздрагивая, посыпали идущего теплым пушистым снегом. Это шел он, наш герой. Кто он? Вряд ли даже он сам ответит вам. Задай ему этот вопрос, и в его взгляде вы увидите такую бездну, что замирает сердце. Когда-то он был человеком, теперь... теперь на поляне стоял не то зверь, не то человек - чудовище. Вы бы посчитали его сказочным оборотнем, но это не так. Оборотень из сказки счастливее - он не помнит себя-полузверя и большую часть своего времени живет жизнью нормального человека...

Еще месяц назад у нашего героя было все, что он хотел. Своя жизнь, работа в успешной компании, подруга... Все началось две недели назад. Все началось со ссоры.

- Добрый вечер, друг мой, - произнесла манящая своей простой красотой девушка, встречая своего любимого человека, - Как сегодня?

- Ничего нового, - сказал с грустью высокий крепкий парень, закрывая за собой дверь, - либо компания обанкротилась, либо я им более не нужен.

Молодой человек стянул с себя шубу и, украсив вытянутое худое лицо блестящими очками, направился к двери, ведущей в маленький чулан, гордо именуемый кабинетом.

- Опять пошел тыриться в свой ящик? - повышая тон, спросила девушка,

- тебе это еще не надоело? Ладно, нет тебе дела до денег. Но неужели тебе уже наплевать на меня?!

Но он уже не слышал последних её слов. Конечно, наш друг не хотел ранить подругу, но сказать ему было решительно нечего. Парень забрался в свой кабинет, включил любимую машину, собранную в лучшие годы по последнему слову компьютерной индустрии и сейчас именуемую лучшим другом. Он открыл страницу, которую читал уже третий день. Интересен и сложен был текст. Однако нам не найти его, к нему не ведет ни одна ссылка и никто не обсуждал этот текст на форумах - настолько странен этот без преувеличения магический текст...

И снова молодой человек, надвинув бровь на металлические рамы очков, вчитывался в мистику странных фраз, граничащих с бредом. В отчаянии он искал выходы для себя там, где их быть не должно. Текст, озаглавленный пятью буквами “СЛОВО”, обещал ему свободу... свободу от проблем и несовершенств человеческого мира, строящихся тысячелетиями. СЛОВО обещало человеку возможность переродиться, вывернуть свое Я на изнанку и стать собой. Странное предложение, не правда ли?...

“тук-тук. ТУК!!” произнесла деревянная дверь, и из коридора послышался приятный, но пронизывающий укоризной голос:

- Еще не заснул? Может хоть заглянешь в спальню?

Смятение, отчаяние, страх, чувство ответственности - многое сводило взрослого мальчишку с ума. Он распахнул дверь и почти матом послал свою любимую подальше, раня, кромсая живые нити, так тянувшие когда-то друг к другу горячие сердца. Желая порвать все на свете и в первую очередь разорвать в клочья себя самого, он простонал с протяжным привыванием:

- Боже... казни меня! помоги мне... - и тут он произнес СЛОВО, которое никто никогда не услышит, ведь сама вечность прикрывает такие слова тишиной. И боль, адская боль тысячью стальных игл пронзила сознание человека, в один миг разрушив реальность вокруг...

Очнулся наш друг парой часов позже, чувствуя полное спокойствие и отрешенность. Это был уже совершенно другой человек. Точнее

НЕ человек. Попытавшись высмотреть хоть часть окружавшей действительности через стеклянные капли линз, он снял очки и вгляделся в черное зеркало отключенного монитора и... не закричал. Из мутноватого зазеркалья на него смотрел серый зверь. Клыки, шерсть, горящий взгляд и черный нос - все было на месте, как и должно быть. И чувствовал он себя абсолютно свободным - все беды стали настолько малы, что их вообще трудно было удержать в голове.

Первым же делом новоиспеченный зверь решил порадовать свою подругу, посему он направился прямиком в спальню. Девушка уже спала, и лишь одеяло поднималось волной в такт ее дыханию. Посмотрев на нее сейчас, наш герой впервые понял, какое чудо ждало его здесь каждый день, и нежность наполнила его сердце сладким теплом. Он подошел к своей стороне постели и тихонько забрался под одеяло. Он обнял свою любимую так, как давно уже не обнимал и аккуратно лизнул ее ухо...

К сожалению, мы очень часто видим не то, что есть на самом деле. Совершенно не то. Девушка проснулась и, проворчав “откуда собака?”, оттолкнула мохнатую тварь и открыла глаза... Насколько смущенно и испугано выглядел сброшенный с постели зверь, настолько же страшен и пронзителен был женский вопль ужаса. Сначала девушка запустила в обидчика торшер, а потом схватила из шкафа старый револьвер, доставшийся в качестве наследства и всегда находившийся здесь “на случай”.

Чудище хотело было начать объясняться, но чего нет - того нет, и вместо слов получилось только булькающее рычание. Руки у девушки тряслись, прогремел выстрел... второй... Треск врезающихся в дерево половиц пуль заставило волка понимать свое положение, и он бросился по коридору. Третий выстрел - дверной косяк... Чудовище забегает в кабинет. Он пытается заставить работать компьютер, но тщетно. Девушка, пронзительно крича, выбегает в коридор и направляет четвертую пулю сквозь распахнутую дверь в оконное стекло. Зверю не оставалось ничего кроме как броситься в окно, оставив на стекле клок окровавленной шерсти. Девушка, заметив в кабинете разбитые очки и порванную одежду, овладела собой и с обжигающей яростью, сменившей панический ужас, подбежала к окну и выпустила последние два снаряда в след убегавшего силуэта, продолжая спускать курок снова и снова.

Вот, в общем-то, и вся предыстория. Дальше была милиция, страшный бредовый рассказ потерпевшей о голодном оборотне. Осмотр “останков” бедного возлюбленного и, как итог всего, фанатичная охота на оборотня всем городком. Прилегающую лесополосу обшаривали и матерые охотники, и просто искатели приключений на пятую точку. Однако найти зверя-людоеда своевольная судьба так и не позволяла. А наш герой даже не прятался... Устроившись в канаве за железнодорожными путями, он пережил ночь и следующий день, то коря себя, то вспоминая первые встречи с ней, выедая свою душу... Он много раз пытался повторить СЛОВО в надежде вернуться. Но толи он забыл его, толи СЛОВО уже не работало.

И вот уже второй десяток дней двуногий серый волк волочит свои лапы по снегу средь берез и сосен, не чувствуя ни голода, ни жажды, а только черную тоску. Короткие дни говорили о скором приходе нового года. Люди понемногу забывали случившееся в предпраздничной суете. А в холоде зимнего леса, почти покинутого зверьем, бродил на грани смерти грустный волк...

Утро. На краю ельника послышался шорох. Ветки, нервно вздрагивая, посыпали идущего теплым пушистым снегом. Это шел он, наш герой. Шел никуда из своего светлого прошлого, которое теперь он оценил много дороже. Он вышел на поляну. Блестящий снег скрипел под тяжестью ступающих лап. И тут он услышал крики людей.

- Он вернулся!!!... Снова убийство!!! - выделялось из общего мычания, доносившегося со стороны городка.

Спустя несколько секунд на краю поляны появилась белоснежная фигура с серыми пятнами. По-кошачьи грациозно управляя своим телом, взобралась она на старый пень, огляделась и скрылась меж сосновых стволов. Сердце волка вздрогнуло и разбудило в голове дремавший разум. “Спрятать следы” - подумал он и ринулся к центру поляны, где стоял старый трухлявый пенек. Однако дельных идей у него не появилось. Полагаясь на удачу и отсутствие в группе опытных охотников, волк сломал куст малины и замел часть следов уходящих от пня в сторону сосен, после чего истоптал снег перед пнем и вернулся по своему следу. Слыша крики людей, уже вышедших на поляну, он ринулся в лес в надежде на успех своей глупой уловки.

Толпа на поляне даже не задержалась - услышав скрип деревьев, потревоженных волком, люди без раздумья ринулись за ним. Задыхаясь на бегу, волк чуть ли не сожалел о содеянной глупости. Однако к своему собственному удивлению он быстро оторвался и вскоре смог спокойно отдохнуть. Люди же решили не путаться в следах самостоятельно и вернулись в город поднимать охотников.

Волк все еще не до конца понимал, кого он видел в начале утра, хотя логика подсказывала ему верный вариант. Он решил найти незнакомку и осторожно обходил уже привычные ему участки лесополосы, даже пытаясь что-то вынюхивать. Искать не пришлось слишком долго: там, на поляне, кошка заметила нашего бедолагу и искала его даже более целеустремленно, чем он искал ее, и, наконец, нашла. Встреча их не была особо приятной для волка - чуть только появившись из-за деревьев, кошка задала ему такую взбучку, что он уже хотел улепетывать что есть сил. Однако ярость ее довольно скоро сменилась нежной заботой.

Грациозная кошка обошла волка кругом и, не скрывая радости, прижалась к нему. Никогда он не видел столько любви в этих глазах, пусть кошачьих, но все так же знакомых. Прижав друг друга к себе, они стояли целую вечность, наслаждаясь только тем, что сейчас они рядом. Луна уже сменила солнце на чистом небосклоне, мороз щипал за нос, но им было тепло как никогда раньше.

На этом моменте оставим подробности. Два любящих существа были безмерно счастливы. Они поняли истинную жизнь намного лучше, чем кто-либо из нас. В эту чудесную неделю, что они подарили друг другу этой зимой, их жизнь стала прекрасным сном. Они стали единым существом, целым миром. Все свое время они отдавали вновь созданному миру любви, всю нежность и страсть вкладывали в его строительство, понимая, что именно так все должно быть. Прекрасная, счастливая жизнь в небольшой вселенной...

Как бы ни хотелось нам всем в это верить, абсолюта не бывает. И ничто никогда не дается “за так”. А СЛОВО - не райский плод, а своевольная жестокая сущность, покрытая мраком вечности...

- Этот зверь - мой, - ворчал, собирая рюкзачок, бородатый охотник, - кем

бы ни был этот оборотень. - Крепкий мужчина закинул рюкзак за спину, схватил старое ружье и вышел в обтрескавшуюся дверь.

До конца календарного года оставался день. Луна пошла на убыль, а день стал снова набирать минуты. Охотник прекрасно знал, что в этом лесу давно нет ни волков, ни лис. Он без всякого страха бродил средь берез весь день и вечером покидать лесополосу не намеревался. Морозная безветренная погода еще хранила на снегу следы, но ветер уже нагонял туч и обещал снегопад.

Волк с кошкой отдыхали под старой сосной, обвив основание ствола кольцом и прижавшись носами. Ветер набирал сил и начинал сбрасывать с туч облака снега. Волк не спал, он много думал о жизни, о новой жизни, что обрел здесь. Вдруг сознание его встрепенулось: за белой шерстью своей подруги, меж сосновых стволов он увидел фигуру человека.

Охотник, наконец, нашел заметаемый уже след и теперь шел меж сосен, видя свою цель - белый мех оборотня, о котором говорили в городке. Вначале он не поверил своим глазам, но быстро овладел собой и стал подкрадываться на расстояние точного выстрела. Дистанцию в пятьдесят метров мужчина посчитал приемлемой и начал прицеливаться...

Неожиданный порыв ветра скинул с сосновых веток снежный туман, и охотник на секунду потерял из виду свою цель. В тот же момент из молочной завесы вырвался страшный серый зверь. Охотник опешил от столь резкой перемены облика. Однако необходимость защищать свою жизнь вернула ему возможность двигаться. Зверь набросился на человека и яростно тянул свою пасть к его лицу, одновременно пытаясь выбить из рук ружье. Прогремел выстрел... второй... Злость в глазах волка сменилась болью и тоской. Никогда еще охотник не видел такого взгляда.

С разодранной грудью волк упал на спину. Охотник боязливо отошел от своей жертвы и выронил ружье. Потом он вынул из кармана старый посеребренный кинжал и трясущимися руками вонзил его в грудь убитого оборотня. Внезапно вокруг воцарилась тишина, и стоящий на коленях охотник, опуская окровавленные руки в снег, огляделся - вокруг никого не было. Он встал и, оглянувшись на тело оборотня, пошел искать ветки для костра.

“Я даю самый наглядный урок, мальчик мой. Но цена моя высока. В следующий раз будь умней. До встречи, волчонок” - произнес последним звуком в голове мертвого зверя приятный, и даже нежный голос...

В окровавленном снегу лежал бездыханный зверь, убитый как подобает оборотню, оборотню из сказки. Но он не сказочный монстр. Оборотень из сказки несчастнее - он не помнит себя-полузверя...

... Что же касается белой кошки - она очнулась обнаженной девушкой утром на полу в своей спальне и долго рыдала. И, поверьте мне, она обязательно расскажет эту историю своим детям - они будут помнить своего отца, давшего им жизнь и ее понимание.

декабрь 2008 - январь 2009

Gold-Black Riddle Lioness

nastm@yandex.ru

Страшно

Страшно. Ходить по трамвайным линиям.
А неба в ногах от чего-то невинно синее.
Страшно. Чья-то тень от моей слишком близко,
И когда, вдруг, рука на плечо чья-то сзади ложится.
Страшно. Сознавая, что ходим по кругу.
И еще понимания, что как же теперь, друг без друга?
Страшно. Натянуты нервы иголками.
И, вдруг, все вокруг разлетелось тупыми осколками.
Страшно. Стоя в метро у края платформы.
А еще почему-то собаки и синие формы.
Страшно. Листва шелестит по дороге.
И идешь взглядом вниз, натыкаясь на чьи-нибудь ноги.
Страшно. И жизнь призывает к ответу.
Очень страшно. А все потому, что тебя рядом нету…

Наши дни

Что изменилось? – Ничего!
И день вновь липнет к пальцам.
Кого волнует? - Никого.
Что станешь ты скитальцем.
Куда пойдешь ты? - Никуда.
Ведь карты потеряли.
Что, есть проблемы? - “Не беда” -
В эфире так сказали.
Кого-то ищешь? - Не найдешь,
Хотя он тоже ищет.

И все, что есть - опять под нож,
И только ветер свищет.
А свое хобби, интерес?
Какая, право, глупость! -
Координаты в GPS -
А выглядит, как трусость!
И что, есть цель? - Не навсегда.
Достигнешь. Может, плюнешь.
А все, что есть - одна вода,
Но выльют, не забудешь.
Устал? - Иди один поспи,
Ворочаясь в постели.
А наши дни... Что наши дни?
Уже не дни. Недели.

Не пугайся, котенок

В небе пахнет зимой, плавно грусть навевая.
Возвращая на год, а быть может, на два.
И холодной тоской в шум дождя окуная,
Под ногами так быстро желтеет трава.
И так хочется мне пахнуть чаем и медом,
С легким шлейфом варенья, с улыбкой в глазах.
И так хочется мне хоть немного покоя,
Чтобы снова услышать твое ‘Show me love’
А внутри уже снег и играет ноябрь,
Будто я опоздала, а будто спешу.
На деревьях листва, бабье лето, сентябрь…
Я уже без тебя, но смотри - я дышу.
Как закружатся хлопья и, тая на глине,
Будут снова и снова меня возвращать -
Не пугайся, котенок. Нет зла и обиды.
Отдала я все то, что хотела отдать.

Мечта

За синей полоской неба,
Там, где гнездятся птицы,
Там, где никто не был,
Мечта твоя зародится.
За сумрачным горизонтом,
За тонкой полоской леса,
Где ночью, при полнолунии,
Танцуют с ведьмами бесы.
За желтыми облаками,
За дымкой костра в новолуние,
В полночном прозрачном тумане,
И в крике безумном горгульи.
За поступью, мягкой, рассвета,
За утренним летним садом.
Как песнь, что еще не допета -
Мечта твоя будет рядом.

Чудо

Она была одна на миллионы:
Прекрасна, обаятельна, добра,
И в легкой-легкой ссоре с головою.
Она была на миллион - всего одна.

Пускай замучена рытьем в чужих карманах,
Пускай одна в прохладной темноте.
Рубцами заживала жизнь на ранах,
Запекшихся на собственной мечте.

Ее улыбка - россыпь звездопада,
Ее глаза - тепло и свет костра.
Не понимав себя, твердила - “Пусть. Так надо”
Слезами утром падала роса.

И счастлив тот, кто раз ее увидел,
Кто пристально смотрел в ее глаза.
Будь проклят тот, кто вдруг ее обидел.
Забыть ее не сможешь никогда.

Ангелы

Проведи мне по спине
И погладь меня по крыльям,
Если истина в вине -
Ты не будешь самым сильным.
Ты же знаешь, меня нет.
Нет, меня не существует.
Только кто-то за окном,
Может быть, по мне тоскует.
Я живу в сердцах людей,
Загораясь ярким светом.
Нет, постой, не уходи.
Я сама уйду с рассветом.
Кровь, как красное вино
На прозрачной, тонкой коже.
Утром смоется дождем,
Да, и слезы, впрочем, тоже.
Что ты! - Ангелы не плачут,
Им не надо утешений.
Как ты можешь знать, мой милый
Боль всех прожитых сражений?

* * *

Прошло время. Ты другим улыбаешься в аське.
Да. Все верно - Ты не верила в детские сказки.
Это просто - закрытая, с точками, скобка.
Это легче, чем просто считать остановки.
Буквы метрами. Квадратные черные пиксели.
Не заметно же. Смотри, даже логи не выцвели.
Это больно. А ты, вдруг, хотела иначе?
Ха! Если бьешь. Приготовься отведать “на сдачу”.

Это все не хранит: твои образы, воспоминания.
Это все - лишь слова и частицы чьего-то сознания.

Hidden Fox
alexey-fox1@yandex.ru

Стихи о звере

Есть зверь у нас внутри, и он весь разный,
Приручишь хоть разок, и правду он покажет,
Власть зверь дать может, и дань взять может.
Живёт в груди он, и, вырвавшись оттуда, пусто станет вдруг,
Кто видел из древних, знает, что есть он.
И зверь он, как есть, и чувствует душу внутри,
Являясь частью неделимой, он может чувства дать,
И зверь, являясь частью нас, чувствует и боль,
Терзая нас внутри, мы поддаёмся чувству этому.

Этот зверь бывает разный, и он зависит от нас самих,
От качеств наших и жизни также нашей,
У зверя каждого есть сила своя,
И сила эта зависит от чувств нас к зверю и пониманию его,
И Сила эта, как проклятие, как дар что свыше дан.
Не знаем мы, кто дал нам дар и чувства зверя,
Не знаем мы, что за зверёк живёт внутри, не нам решать
Мы лишь решаем доверять ему, или избегать.

И он, показываясь из тени, и, проведя своею лапкой,
Может истину нам дать, но правда будет для нас своей и разной,
Прислушавшись и чувствуя походку зверя, разрушить понимание может он,
Но может он и возродить, как птица феникс,
И возрождение духа будет тогда у нас, он наш наставник и помощник.
Борьба за выживание зверя Едина, и лишь время показывает нам.
Показывает, есть ли зверь внутри.
И Лис чувствуя его внутри и понимая боль, сроднился с ним,
А возможность помочь и искупить стало целью Лиса.
Отдавая без остатка и помогая без труда,
Каждый зверь, как сущность, волен решать свою судьбу.

Как зверь, он смотрит в глаза врунов и видит их насквозь,
Как сущность, он движем силой, неведомую нам, но чувства истинны.
Походка зверя и убийцы, и чувства живого существа - всё в нём живёт,
Лечить он может других, кто видит и слышит вой его,
Показывает и проводит лапой своей путь нам,
И он же неделим и рядом с нами, он в нас живёт.
Но он же ведёт борьбу с человеком и в том что зовётся логикой и разумом,
Живя в борьбе с собой, мы видим и чувства и разум.

Все чувства разные, и укусы зверя и ласки - всё что чувствует всё часть
как и инстинкты,
И в тоже время в жизни всегда в тени не видим мы его, но чувствуем,
Он же из тени путь нам покажет, протянет как нить,
И для тех немногих и будет той звездой вдали, к которой мы идём.

Ступая по пути лишь рядом с ним, который видит будущее,
Он видит то, что будет, но не каждый понимает насколько дорог зверь нам,
И так же дорого тепло другого существа, что может рядом с нами быть,
Но вечная борьба и убеждения мешают нам.
В этой борьбе наши решения играют роль, и в них же определяется судьба.
В нас есть животный магнетизм, и то, что дарит тепло другим.
Но звери есть также, что заблуждаются поныне, и в этом вина лишь нас.
Живя в гармонии с природой и с собой,
Мы можем понять зверя внутри и чувства свободы от оков,
Гармония для некоторых и есть забота о других.

Из 4 сторон вещей, мы выбираем не все,
Наш выбор лишь часть, что закрыта на время
И каждая из них для нас есть то, что помогает.
Понимая одну сторону, она приносит много чувств,
И каждая из них порождает понимание.
Стоит опасаться грани между иллюзией и реальностью,
Ибо, не зная её, можно сбиться со своего пути,
Но зверь всегда рядом, и он помогает своими чувствами нам жить,
Чувствуя ошибку, мы не свернём на дорогу заблуждений.
Зверь рядом будет и неделимо будет сторожить
А те, кто не видят, будут помнить о том, что есть в них Эгоизм,
Но всё лечит время, и время откроет глаза на это рано или поздно.

Лис видит многое в мрачном свете, но и опустить лапы не смеет пока,
Пусть помнят насколько ценна жизнь,
Жизнь наша это череда испытаний поныне,
И сила зверя спасает от нетяффностей судьбы,
Нетяффностей судьбы много и наше время не бесконечно поныне,
А сила зверя и борьба у нас в Умах как ныне связь с прошедшим,
И нам твердили, что от прошлого нам нельзя уйти,
И прошлое для нас безразлично ведь прошло оно, а мы же те, кто есть.
Но прошлое лишь часть зверя, как опыт,
Но зверь наш помнит, знает и, чувствуя его, мы понимаем,
Что зверь знает даже больше,
Мы видим, замечаем, мы вспоминаем прошлое, как опыт знания
Самое бесценное и дорогое в нас.

Но ещё дороже Любовь зверя, когда почувствовав тепло Зверь,
Каждый зверь не одиночка: желает тяффного тепла,
Что согреет нежно чувства и ласки его,
Каждый зверь желает видеть рядом другого зверя,
Поглаживания, теплоту душевное единство и родство как две души
воссоединившись,
начинают сливаться в едином порыве, и боль, и страдания уходят,
остаётся лишь покой.
И покой, вечен пока звери рядом, но бойся разрушить идиллию зверей,
Лишь те немногие знают, на что они способны и на что нет,
Мало кто, задумываясь о том, как вести рядом, мнят себя всезнайками,
но попав в лапы эти,
Он не будет уже думать так,
Но звери разные - лишь единицы их живут в покое и тишине,
У зверей часты потери - они лишь те немногие, что редко чувствуют покой,
И даже пытаясь найти замену, зверь не смог,
Теперь же зализывая в снегах лапку свою Лис, думал, как и зверь о Покое,
Но лишь надежда, как звезда вдалеке, напоминает, за что есть жить зверю.
Всё в наших лапах, и даже судьба покоряется тому,
Кто приложив усилия сможет вырваться из круга.
Вырвавшись из круга, снова увидим зверя, и всё повторится снова и снова,
До того момента, когда две души содеяться вновь.
Души зверей, как часть нас и вечно внутри нас, лишь изредка
выбираются на волю.

Каждый зверь любит свободу и природу, и в этом наша сила -
в несовершенном мире.
Каждый, кто нюхал носом запахи Леса,
Чувствуют, что наслаждаются запахом охоты и того, что раньше было.
Прошлое, как часть нас…

Стихи о Лисах

Да простят Лиса собратья если неверно

Лисы бродяги по жизни,
И в каждом Лисе есть своё,
И вечно в сомнениях Лисы,
И вечно в надежде они, как те, что помнят, Любят,
Но Что Милей им? Лисам этим…

Лишь то своё, что вечно с ними, и то своё, чем лисы ждут
И ждут они надежды веры и любят быть лишь в тишине,
Но поиски вечны и вечны дороги, что лишь путями пронизаны насквозь,
И бродят по ним и вечно в надежде они,
Как только надежда покинет, и вечно в пути тогда лисы покой лишь найдут,
И в том утешение и том лишь и вечны они,
Они не похожи на тех, кто виляет путями, они не похожи на тех, кто упрям,
Но вечно своё в них и вечно упрёки лишь в том, что для лисов важнее своё,
Они как комок лишь противоречий, лишь то, что надежда даёт им покой,
Но в этом иллюзия будет вечно, и жить она будет во лжи лишь порой,
Когда же найдёт он тот путь, что важнее, что тот лишь один и вместе лишь с тем,
Найдёт он то счастье, что вечно искал он как Лис, как Бродяга, как то,
что во тьме,
Лишь чувства живы им и он жив лишь ими, что лишь для него одного
он важнее,
Что лишь для него одного он в пути,
И тут он увидит просвет и покой лишь что снился,
И чувствует, что правда это не ложь,
И суть лишь вещей изменится таков он путь Лисов,
Таков он для всех,
Мы ищем лишь то, что скрыто, лишь чувствуя это,

кто чувствами жив - тот живой во плоти и правда для них лишь то,
что витает,
что нужно лишь там, где он есть, где он Лис,
Как зверь он лишь бродит путями,
как тот, что знает, какой дорогой идти,
И чувства
Живи и он лишь живой там как тот, кто путями бродит лишь он,
И те, что ушли другими путями, те лишь знают, что каждый
покой заслужен бывает и то, что важнее для них лишь судьба.

Стихи о Любви

Любовь, как и звезда на небе - требует к себе,
Коснувшись, хоть раз ощутишь ты счастья полёт,
В полёте увидев звезду, ощутишь паденья глоток,
В паденье захлебнуться ты можешь всегда,
Но помня, что есть та звезда,
Всегда воспрянуть ты можешь и снова стремиться к звезде,
Звезда та и манит, и тянет, и в ней ты увидишь покой,
Но будь осторожен всегда,
Попав под влияние звезды, ты можешь остаться на веки в плену,
И будешь мечтать вернуться к ней снова,
К своей путеводной звезде,
Мы вынуждены падать и вечно страдать от неё,
Но тяффное чувство Любви подобно звезде,
Кто видит края её - знает,
Что есть в ней опасность для тех, кто невидим очертания её,
А лишь желание одно - быть рядом с ней,
Когда же падать будешь ты, узнаешь ты историю,
Открыв лишь раз в ней её хитрость, мы будет желать уже снова и верить в неё.

Hunter
madera@bk.ru

Дом и его химеры

1

Центральные городские часы пробили полночь – славное время, когда удача сама плывёт тебе в пасть, а цвет бронированной шкуры позволяет слиться с небом.

Скейг, прочёсывая территорию, высоко планировала над площадью, над часами, над жилищами людей, в которых они издавна, ещё с поры юности прабабки Скейг, обитали с рациональной, но неуютной плотностью, как пчёлы в ульях. Разум и веки смежала сладкая сытость, но она, решив в этот раз уступить инстинкту, что повелевал брать про запас, продолжала поиски очередной добычи, поводя носом и тонкими заострёнными ушами, вслушиваясь, вникая в ночь, как в собственную суть. Ветер поддерживал её перепончатые крылья, грозно ощетинившиеся сдвоенными шипами на суставах, такую невесомую в охоте, живую и живучую – но всё-таки каменную, и ни одному камню из известных человечеству пород не сравниться с прочностью её тканевых покровов. Впрочем, парадоксы обычно не беспокоят тех, для кого они являются образом жизни.

Скейг, ловец снов, была химерой, и к таковым причислял себя весь её немногочисленный род под местным главенством Дана Ксара. То, чем они промышляли, требовало неимоверной выносливости вкупе с предельной обострённостью всех чувств, и химера чуть ли не выворачивалась наизнанку, ловя крупицы эфемерного вещества среди грубого шлака прочей информации, которую приходилось подвергать тщательнейшему анализу и сортировке – проще говоря, забиванию гвоздей микроскопом.

К счастью, сегодня выдалось несколько относительно спокойных минут, когда она, наконец-то сложив уши, измученные голосами вечернего города, успела на лету перехватить чей-то заблудившийся кошмарик, отдающий полынной горечью, а теперь полакомилась, поднявшись на уровень пентхаузов, куском крайне вкусной сюжетной грёзы, летевшей целенаправленно, сквозь все препятствия, чтобы угодить Скейг в когти. «Испортится, пока долетит», - равнодушно отметила ночная охотница, перемалывая тонкий хрящик логической связки и провожая взглядом

тело добычи, в одночасье лишённой всякой привлекательности. Грёза проплывала дальше; повреждённая, она судорожно подёргивалась и неотвратимо растекалась пустыми облачками.

Не более одного укуса от каждого, шептала ей мать, щенком натаскивая на лёгкую, но малопитательную добычу – младенческие сны, годящиеся разве что на роль витаминной подкормки. Свои правила даны свыше каждому из живущих, требующие неукоснительного подчинения, порой совершенно необъяснимые, но в хрониках всех рас, родов и племён существуют жуткие истории о посмевших их нарушить, и стать героиней такой истории у химеры желания пока не возникало. Легенды или правда – возможно, когда-нибудь и станет известно, но только ради удовлетворения любопытства никто не горел желанием подставлять собственную жизнь.

Немногим позднее, чем химере довелось попробовать хрупкими молочными клыками свой первый сон, и немногим позднее, чем она впервые поднялась на непослушные заплетающиеся лапы, ей пришлось учиться не размежать глаз от рассвета до заката. Весёлая, бесстрашная, как все дети, она однажды отвлеклась от игры в догонялки со сверстниками и косолапо помчалась к светлому пятну, маячившему в дальнем отнорке маленького чердачка, где они проводили всё время - молодь, ещё не обученная жизни на открытом воздухе. Тут же навстречу тяжело и непреклонно метнулось тело надзирающего, преградив дорогу, оскаленная пасть оказалась у неё перед носом. И только потом были слова. Слова, утешающие насмерть перепуганного щенка, умные, всё объясняющие слова; но прежде всего на подкорке тяжёлым импринтом остались запечатлёнными огромные клыки взрослой химеры, заставившие её поверить в собственную смертность. Солнце считалось губительным для глаз каменного существа, причём слухи о последствиях ходили самые разные – от слепоты до полного паралича, и для внушения этой простой мысли старшие не брезговали самыми жестокими методами.

Кроме упомянутых, существовал ещё ряд правил, сжатых давлением веков до кратких фраз, неудобным последствием чего стала возможность неоднозначного толкования. А толковать приходилось в любом случае, потому что такую необходимость ежедневно, вернее, еженощно ставила перед тобой жизнь. Одно из правил предписывало избегать непосредственных контактов с донорами, из чего химера сообразила для себя, что высасывать сны напрямую из пребывающих в морфее человечков не следует. Как и лишний раз показываться им на глаза.

Последнее было признано не фатальным, а всего лишь этически нецелесообразным, и пусть ни один хомо сапиенс не знает, кого кормит,

химеры как паразиты предпочитали избегать встреч с источником пищи. Это оказалось нетривиальной задачей: хотя люди проявляли наибольшую активность при солнечном свете, даже в самые глухие ночные часы они то и дело встречались ей на улицах. От многих за десятки метров разило то алкоголем, то эмоциями, причём последние при сильном накале негатива доминировали над любым физическим запахом и портили всю охоту. Каждый такой случай вызывал у Скейг приступы переходящего в ярость раздражения, от которого ей приходилось срочно избавляться в бесцельных полётах на скорость, что выхолащивало чувства и изматывало плоть.

Потом, пустая, в дурном настроении, она неуклюже заваливалась в альков на стене старинного ажурного костёла, закрывала глаза, отгораживаясь от мира – в этом случае необходимость удачно совпадала с собственным желанием, – где проводила очередной день, почти неотличимая от десятков усеявших здание неподвижных крылатых фигур каменных зверей. Из них где-то треть были настоящими и приходились ей дальней роднёй, что предполагало редкие визиты вежливости, а остальные являли собой творения скульпторов былых времён.

Броня и мёртвых и живых, лишённая чувства осязания, одинаково испытывалась на прочность причудами местного климата.

Мускулистые тела, обладающие кошачьей грацией, венчали гривастые и точёно-обнажённые головы.

Спокойные, абсолютно неземные глаза с расплывшейся радужкой полуночника вкрадчиво смотрели прямо в душу наблюдателю.

Схожесть изваяний с собственным обликом не давала Скейг покоя и наводила на еретические мысли о возможности мирного сосуществования с теми, кто оказался достаточно проницателен и смел, чтобы воссоздать твоё изображение, не перевирая действительности. Мечтать об этом было легко, не боясь преступить закон, потому что достойных открытого соседства в этом городе уже давно не осталось: порода истощала, была забита обычностью и почила в бозе. А выдержать взгляд живой химеры и запечатлеть его в памяти – удел героев.

В то же время скульптуры дали ей отличное представление о приемлемых для дневной маскировки позах, и она, присмотревшись, смирно сидела, сложив за спиной крылья и обернув тонкий хвост вокруг мощных лап, иногда неслышно порыкивая на голубей, когда они пытались примоститься на голову: считала унизительным такое соседство.

Костёл, рвущийся в небо с высокого холма, утопающий в душистых и душных объятиях сиреневой рощи, был выстроен в стиле зрелого

периода готики и приходился родовым гнездом химерам. Неудивительно: где ещё, если не в этом оазисе старины, среди привычных для горожан чудищ, рассевшихся на карнизах, могли чувствовать себя в безопасности чуждые современному миру существа. Найденный давным-давно выход был слишком прост, чтобы им не воспользоваться. Но это не означало, что химеры обитали здесь исключительно вынужденно. Они любили свой дом, старящийся с королевским величием, его карамельно-пёстрые витражи, что в любую погоду придавали зданию нарядности, его шпили, пронзающие небо, виноградные сплетения контрфорсов, гребень покатой крыши над узким нефом… Готическая архитектура девять веков назад явилась миру союзом исполненной высокого пространства красоты и строгого рационализма математических выкладок, что мыслящие в трёх измерениях химеры ценили, и перед чем до сих пор испытывали благоговение, близкое к религиозному.

Возвышенные эстетические чувства – роскошь для существа, многовековая жизнь которого проходит в фокусе чувства самосохранения.

Но некоторые отважились изредка позволять себе такую роскошь. Возможно, это было для них необходимо.

2

Солнце.

Солнце, навстречу которому хочется вытянуть руки в попытке поймать и удержать золотые ленты, совсем как в детстве.

Воздух наполнен набирающим с утра силу майским солнцем, оно царствует даже в моём полуподвальчике, пронзая мастерскую наискось, играет контрастной светотенью на скромных предметах интерьера и уже законченных полотнах, создавая неуловимый эффект присутствия. Каждую секунду – новая грань жизни. Глубоко вздыхаю: такое освещение невозможно зафиксировать, им можно только любоваться. Быстрые утренние лучи смещаются с неукротимой вкрадчивостью минутной стрелки, в конце концов один из них упёрся в забытый на подоконнике прозрачный флакон растворителя, расцветил его подобно драгоценному камню и сам заиграл на стене густым янтарём. За низким широким окном качает ветвями калиновый куст, задевая плети винограда, высаженного пенсионеркой со второго этажа; доносится далёкий гул города и ленивый перебрех собак из соседствующего с нашей пятиэтажкой аккуратного коттеджного городка; сквозняком заносит тёплые влажные запахи земли:

ночью прошёл дождь.

Из созерцательного состояния меня выдёргивает стук в дверь. Пашка, а это наверняка он, умеет застать врасплох своим появлением, возникая практически ниоткуда. Эдакое стихийное бедствие, которое не считает нужным предупредить о своём визите. Бывший одноклассник, а теперь ещё сосед по дому, да с его характером нараспашку – к чему такие церемонии. По пути к двери я успеваю состроить вымученную гримасу радостного удивления. Нет, конечно, мне всегда приятно его видеть, и даже рано утром в субботу, когда я и сама только-только добралась до мастерской немного поработать…

А теперь придётся изображать радушную хозяйку. У меня эта роль обычно получается так себе. Родись я индейцем, моим тотемным зверем стал бы какой-нибудь мизантроп, скорее всего, барсук: посторонних в собственной норе не люблю, при общении чувствую себя свободнее на нейтральной территории. Своё хочется защищать, и ты всегда подсознательно готов к этому, даже если оно не нуждается в защите… впрочем, проехали.

Время для моего соло; суфлёр, громче, пожалуйста.

Улыбка в улыбку. Движение губ, обнажающее зубы, у приматов считается угрозой, помните об этом?

Чёрт, отвлекаюсь.

- О, привет. – Отхожу от проёма, пропуская гостя в комнату, иду вслед за ним. – Не обращай внимания на окружающий хаос, ты же знаешь, у меня вечная рабочая обстановка. Зато готовиться не нужно, накатило – садись и пиши. Осторожнее с диваном, там у меня холсты досыхают после грунтовки. А это папки с эскизами, старые, ещё абитуриентские работы, акварельки всякие, рука не поднимается выкинуть почему-то. Не смотри. Ну просила же…

Чужие пальцы, не терпящие сокровенности, откидывают потрёпанную картонную обложку – единственный покров старых тайн.

- Неплохой портрет, между прочим. Характер даже вырисовывается.

Заглядываю через плечо, чуть задыхаясь в облаке стильного парфюма, пытаюсь увидеть рисунок, будто впервые. Ничего не получается: слишком много было вложено, и в каждой корявости всё-таки есть кусочек собственного сердца, стесняйся его или гордись, оно в любом случае отзовётся.

- Думаешь? Я привыкла критически смотреть на свои прежние работы. Чем дальше в лес, тем больше старых косяков открывается, будто сидишь и постепенно протираешь мутные очки. Иногда думаешь: а когда-нибудь ты сможешь видеть так, как оно бывает на самом деле? Сначала очень

просто. Человеческое тело: ручки, ножки, огуречик. Потом какие-то закономерности открываются, восемь длин головы в теле, две длины в плечах, стараешься им соответствовать, на занятиях прорисовывать примитивный каркасик скелета, думая, а нафига это нужно... Ещё немного стёкла протёр, смотришь, например, на руку – а изнутри как будто наяву проступают лучевые кости, поднимаешь голову – и сводишь линии перспективы к горизонту, успевая и себя всунуть куда-то среди набросков мироздания… вдруг чувствуешь себя штришком на огромном рисунке, и так делается страшно, а если решат, что не получился, и сотрут…

Вертикальные складки мученически сведённых бровей, рисунок аккуратно отправлен обратно в папку.

- Угу. Продолжу твою мысль. Если позволишь, с использованием пары старых анекдотов. Так вот, по твоему рассуждению, химики должны чувствовать себя маленькими фабриками по синтезу чего-нибудь во что-нибудь. Физикам девушки представляются удачной комбинацией атомов. А айтишники просто знают, что вокруг матрица, и не парятся.

- Павел, вы старый законченный циник.

- Спасибо, Инга, а над тобой ещё работать и работать. Непаханое поле, так сказать.

- Оно у меня под паром в этом году, - пробурчала я.

- Нда? Досадно… Кстати о паре, - оживился Пашка, следуя собственному ассоциативному ряду. – Угостишь кофе?

Он выглядит совершенно как Маленький принц, будь у того возможность избежать встречи со змеёй и вырасти в плену притяжения нашей утлой планетки. Высокий, светлый – точно высвеченный изнутри, – с неизменным шарфом на узких нервных плечах, да и носит он его на тот же манер, закинув один конец за спину. Жаль только, что выросшие Маленькие принцы не думают о каждой отдельно взятой розе: на плечи королей возложена забота о целых оранжереях.

А некоторые колючки предпочитают быть исключительными.

Злюсь, правда, злюсь. Не хочешь разговаривать по-человечески – ну и ладно. И на себя злюсь, надо думать, с кем собралась откровенничать.

Я отхожу к тумбочке, на которой примостился старенький верный чайник и разнокалиберные жестянки с чаем и кофе. Чувствую спиной, как Пашка поморщился, видя, что я засыпаю кофе прямо в чашки, пропустив традиционный этап турки, и злорадно ухмыляюсь. Да-да, знаем, невежливо поворачиваться к гостям тылом, но мой гость способен общаться даже со стенами, если более благодарных слушателей поблизости не окажется. Издержки профдеформации…

- Варенье! Из вазочки! Руками! – не сдержавшись, Пашка горестно прокомментировал мои действия фразой из «Золотого ключика».
- Варенья, печенья и прочих марципанов нет. Будешь с сахаром пить.
Терпкий, горьковатый запах наполнил комнату, на какое-то время даже вытесняя стойкое амбре растворителя. Благородный напиток раскрывал сердце. Я прикрыла чашки листами чистой бумаги: иначе не заварится.
- Слушай, чего ж я к тебе заскочил-то. – Пашка, состроив кислую мину, неуклюже крутил сахарницу, не решаясь пригубить угощение. – Наше маленькое, но очень гордое издательство по заказу Подкалюжного замахнулось на «Собор Парижской Богоматери». Не хочешь изобразить нам какой-нибудь заманухи на обложку? Сто процентов успеха не гарантирую, какой-то художник у них уже на примете есть, но главному я исхитрюсь подсунуть твои каракули, и если у него глазки при этом не загорятся – считай меня китайским лётчиком.
Ложка с сахаром дёргается в пальцах, и сотни крошечных сладких алмазов падают прямо на стол, избежав чашки.
Ручаюсь, мой неудавшийся принц чувствует себя отмщённым за проделки с кофе.
- Ладно, - невинно продолжал Пашка, любуясь моим ошарашенным видом, - ты пока переваривай инфу, благо месяцок в запасе у тебя есть, а я побегу дальше. За это утро нужно обрадовать разными способами ещё несколько прелестных дев.
Двусмысленная фраза проходит мимо ушей, и я почти не слышу щелчок дверного замка за ушедшим приятелем. Передо мной, как из тумана, медленно проступает торжественная громада старинного собора, посеребрённого лунным светом. И знаковые фигуры, ради которых был сотворён роман, практически неразличимы в его тени.

Продолжение рассказа можно найти на сайте arfi.furnation.ru

Мяддиб
java-company@list.ru

Три страницы грусти

- С днём рождения, рысик! – Гепардик улыбался, приветственно обнимая Рысика. – Ну что, как всегда традиционно: суши и празднуем у тебя дома?
- Мрррр, агаааа…
Тут собралась почти вся Киевская стайка фуррей. Крылатый Снежный Волк, который был тайно влюблён в Гепарда. Лисичка и Птица, влюблённая пара, отношения, которых, крепки уже очень долгое время. Крыс и немного странный Кот, с кончиком хвоста конопляного цвета. Впрочем, на самом дне рождении его не будет: родители не разрешают… Очень дружная и добрая компания, хорошая погода, и даже Рысик недавно согласился, быть с Гепардиком вместе... Но что-то не давало Парду покоя - странное ощущение того, что всё вокруг какое-то плоское, шаблон, экран телевизора…
Гепард помотал головой, прогоняя наваждение.
- Все собрались? Тогда поехали в тот магазин, что недавно открыли в центре... Можем даже пешком пройтись.
Толпа весело загудела и они двинулись в путь. К Гепарду подошел Крыс и вручил ему сотню гривен.
- Вот, поздравишь Рысика от меня ещё раз. А я поеду... Потихоньку...
- Няяя, давай с нами?
- Ты же знаешь, эти родители...
Гепард распрощался с Крысом, который направился к метро.
«Почему у меня такое чувство, что я его больше не увижу?»

* * *

Гепард стоял возле Рысика, помогая ему выбирать крабовые палочки под суши, когда это произошло.
У входа в магазин прозвучал выстрел.
Потом ещё раз, уже ближе.
- Что такое?
Рысик повалил недоумённого гепарда на пол, но сам не успел упасть следом. В этот миг в их ряд вбежал какой-то безумец. Совсем ещё молодой парень, лет двадцати, он явно был под кайфом.

- ДЕМОНЫ! - произнёс паренёк, и выстрелил в Рысика под аккомпанемент чьих-то криков. Потом выстрелил ещё раз, в какую-то женщину. – Аххаххахха! Почувствуйте привкус святых пуль! Прочь, изыди!
Гепард со страхом смотрел на убийцу, пока рядом не упал Рысик... Убийца пробежал мимо Гепардика дальше, не теряя ни секунды.
- Нет, - шептал Пард, слёзы покалывали глаза и падали на лицо Рыся. – Нет, нет, нет, это не может быть так! Не может!!!
Гепард вскочил, пошатываясь, отошёл от мертвого тела, на груди которого медленно расползалось кровавое пятно. Сбоку прибежал Крылатый Волк.
- Что... О боже! Какого...

Мир перед глазами поменялся. Рыбный отдел, семь рядов от того места где убили Рысика...
«Как я тут оказался?»
Гепардик со всей злостью смотрел на безумца, который с ужасом и выпученными глазами смотрел на Гепарда и клацал в него пистолетом.
- Умри демон! УМРИ ЖЕ! АДСКОЕ ПЛЕМЯ!
Пистолет щёлкал в холостую. Глаза Гепарда затапливало слезами, а плечи и живот с грудью жутко горели. Боли не было.
«Я бессмертен?»
«Какой смысл жить...»
«Он его убил!»
Гепард почувствовал, что всё вокруг такое простое... Он потянулся к вещам мыслью... Слегка прикоснулся...
Все, что было на периферии его зрения, начало плыть, покрываться изнутри белыми пятнами, словно реальность подожгли, и всепожирающее пламя уничтожало всё...

Яркий свет…

Пушистое стройное тело стояло боком, повёрнутое к нему лицо озарялось улыбкой. На половину выщипанные, с серыми, белыми и чёрными перьями крылья слабо трепетали. Куцый хвост едва заметно дёргался…
Глаза закрыла пелена слёз. Да-да, его вызвал необычайно яркий свет, и не сомневайтесь. Гепардик шагнул навстречу раскрывшему объятия Рысику. Слёзы заставили гепарда закрыть глаза, нырнуть в мягкие объятия пушистенького. Его хвост слегка вздрогнул и обвил заднюю лапку Рысика.
«Теперь ты видишь, что я тебя люблю?»
Рысь молчал и в ответ лишь крепче прижал гепарда к себе…

Одно из серых перьев крылатого рыся стало слегка светлее...

* * *

Крылатый волк, с грустью, смотрел на огромное пустое место, сидя на лавочке в парке. Точнее на огромный аккуратненький кратер, размером с футбольное поле. Такое ощущение, словно огромный шар внезапно возник и съел немаленькое здание вместе с частью примыкающего парка и автостоянки. Кратер был идеально круглый…

Рядом сидел Крыс, внимательно наблюдавший за Крылатым:

- Бриться тебе надо, - шепотом сказал Крыс. – Ты уже целых два месяца не бреешься.

Крылатый никак не отреагировал.

Так они и сидели, попивая пиво и грустно поглядывая на страшное место, где некогда стоял один из самых больших в стране гипермаркетов.

Уже прошло целых два месяца, с тех пор как это произошло. Случившимся заинтересовались все: учёные, политики, мистики, корреспонденты... Этот кратер даже стал излюбленным местом для туристов.

Крыс тяжело вздохнул, допил своё пиво, и, кинув взгляд на Крылатого, привстал.

- Думаю мне пора... Что толку тут сидеть и молчать?

Он гневно смотрел на волка. Волк обратил свои голубые глаза на Крыса и слегка улыбнулся. Два месяца назад, после всего что произошло, на месте происшествия нашли только его, он лежал абсолютно голый и с многочисленными ожогами, и что-то стонал. С тех пор он молчал... Врачи назвали это шоком. Непонятно было, почему из всех выжил именно он, и что там произошло. Некоторые очевидцы сказали, что здание просто всосало в себя и исчезло в одной точке, другие утверждали, что оно просто с хлопком исчезло, третьи кричали, что гипермаркет с ярким светом и громким свистом исчез, непонятно как и куда, так как все лежали оглушёнными и слепыми...

- Любовь, - прошептал волк, улыбаясь и поглядывая на Крыса. У Крыса округлились глаза, он уронил бутылку которая, упавши на землю разбилась. Впервые за два месяца он заговорил!

- Любовь - великая сила! Она дала Гепарду силы превыше нашего понимания, она же и спасла меня от смерти.

Крыс растерянно стоял и не знал, что и говорить. Крылатый встал, положил руку на плечо своего друга:

- После того как убили Рысика, что-то принялось мять реальность, какие-

то страшные силы... Людей пожирало в Никуда.

Крылатый подумал и добавил:

- Я видел много вещей... И я теперь понимаю, что наш мир, это всего лишь иллюзия. Вот смотри, важно понять это, увидеть, и ты становишься богом... Смотри!

Он оглянулся на кратер. Через некоторое время подул сильный ветер, откуда-то пополз туман, который медленно оформился двумя антропоморфными фигурами. Крылатый, Гепардик и Рысик, которые держались за лапки и улыбались волку и коту. Гепард слегка пожал плечами, словно говоря «Извини». Потом они растаяли.

- Это... Это ты сделал?

- Да.

- Ты теперь… Что-то вроде бога?

- Нет, я могу управлять только неживыми вещами.

Волк взмахнул лапой, и ближайшее дерево превратилось в огромную статую крылатого волка... Из камня. Крыс ошеломлённо воззрился на него.

- А как же... они? – слегка заикаясь, спросил кот.

- Я не знаю... Надеюсь, там, в раю, они счастливы.

Оба фуррика немного постояли, а потом двинулись в сторону ближайшего метро, прочь от этого страшного места.

Саурриан Айлириэн

saurrian@rambler.ru

Каменный зверь

На свете есть немало удивительных явлений, о которых люди ещё ничего не знают и, возможно, не узнают никогда. Всего лишь в одном месте, расположенном на самом большом континенте Земли, среди древних Уральских гор, можно было на один миг соприкоснуться с чудом, которое больше не встретится на пути человека.

Там, недалеко от этого места, с давних времён добывали малахит – непрозрачный зелёный камень с причудливыми узорами, из которого вырезали удивительные по красоте вещи. Об этом камне рассказывали сказки, в котором наделяли его своей, непостижимой для людей жизнью. Теперь большинство месторождений истощены, но вот найдено ещё одно – настоящая малахитовая пещера, со свода которой свисают зелёные сталактиты, так разительно отличающиеся от обычных известковых натёков. И в глубине этой пещеры, за каменным лесом образовывавшихся десятки и сотни тысяч лет колонн, открывших её людей ждало нечто, присутствия чего никак нельзя было предположить.

Группа людей пробиралась вглубь пещеры, осторожно переступая через небольшие сталагмиты… Не слышно было стука падающих капель, и не было луж на полу: давно уже закончили здесь подземные воды свою работу.

В одной из обширных камер, которые спелеологи обычно называют «залами», в самом её конце, фонари высветили из вечного мрака странную фигуру. Поначалу она не привлекла к себе большого внимания: натёчные формы в пещерах часто имеют очертания, делающие их похожими на самые неуместные там предметы. Но когда кто-то подошёл поближе, чтобы сфотографировать предполагаемый сталагмит, изумлению его не было предела: в пещере, с древнейших времён закрытой для людей, была установлена тщательно отполированная статуя большой кошки. Она сидела с закрытыми глазами, словно зажмурившись от неожиданно резкого света направленных на неё фонарей. Блестела зелёная шкура с узором из светлых концентрических кругов и извитых лент - странное сочетание с которым составлял синий азуритовый нос и кончики медных клыков, выглядывающие из-под верхней губы. Восторженные голоса людей эхом отдавались от сводов пещеры:

- Ты посмотри, какая красота!

- Настоящая пантера… Интересно, откуда? Может, они тут ещё водились, когда кому-то пришло в голову это сделать?

- Это было бы уж слишком давно, тогда людям было не до резьбы по камню. Да и похоже, что создатель её не видел живых леопардов: лапы великоваты, форма морды какая-то не такая…

- А как вообще она сюда попала? Никто об этой пещере раньше не слышал, входа в неё нет, кроме вчера проделанного.

- Ну, может, когда-то был вход, а потом его завалило. Кстати, я вот ещё что думаю – будь я скульптором, сделал бы серебряные клыки: медные к малахиту по цвету не подходят.

- А зачем вообще клыки делать, ведь у нормальных кошек их при закрытой пасти не видно?

Так, переговариваясь, люди вышли из пещеры, торопясь поскорее сообщить о находке и споря, можно ли объявить пещеру заповедником или статую придётся перевезти в музей для лучшей сохранности.

Принесённый извне свет погас вдали, и в глубине пещеры послышался шорох. Невидимый во тьме каменный зверь пробудился после тысячелетий спячки взаперти и направился к выходу. В проникающих сквозь дыру в стене лучах предзакатного солнца пантера выглядела похожей на чёрную тень, внезапно обретшую объём и твёрдость; она остановилась и потянулась, выпустив медные когти и открыв в зевке синюю пасть с блестящими клыками, а затем направилась прочь. Движения странного зверя были такими же плавными, как и у его покрытых мехом сородичей, и из-за зелёной переливающейся шкуры казалось, что по земле неуловимо для взгляда перетекает струя жидкого камня.

Древний зверь, когда-то окаменевший, спрятавшись от неведомых людям опасностей, снова жил и двигался. Теперь он был голоден и искал жертву. Жертва была скоро найдена, но убить её было нелегко, так как она первой заметила почти не скрывающегося хищника и пошла в атаку. Молодой полу-ручной медведь, обитавший в окрестностях заброшенного посёлка, тоже был очень голоден: люди ушли отсюда и больше не приходили его покормить. На мгновение задержавшись из-за странного вида незнакомого зверя и отсутствия у него запаха, медведь всё же бросился на пантеру. Та увернулась, но когти врага слегка задели её, и на землю закапала изумрудно-зелёная кровь. Будучи ловчее медведя, пантера больше не дала ему шанса достать себя когтями, и через некоторое время её медные клыки перегрызли ему горло… Через несколько дней наведавшийся в те

места охотник обнаружил обглоданный скелет молодого медведя, а рядом – несколько кусочков малахита.

То тут, то там странное существо, подобного которому люди не видели в тех местах, появлялось ниоткуда и вновь исчезало в никуда, охотясь и убивая любых зверей, от зайцев до лосей и медведей. Оно, казалось, не ведало страха, но при этом никогда не попадалось на глаза людям. Тот, кто увидел бы этого зверя вновь через некоторое время после первой встречи, поразился бы произошедшим с ним переменам: голый и блестящий камень сменился чёрно-жёлтой мохнатой шкурой, нос стал чёрным, язык – розовым, а зубы белыми – каменное изваяние превратилось в обычного леопарда.

Залогом жизни каждого зверя служит его умение не попадаться на глаза людям. Ни одно существо на Земле не может быть в безопасности, находясь рядом с самыми жестокими убийцами этой планеты, а потому, стоило леопарду быть увиденным человеком, он сразу оказался под прицелом охотничьего ружья. Что в этот раз побудило человека возжелать крови? Может быть, страх перед извечным врагом его вида, но скорее – возможность добыть единственный в своём роде трофей, ведь никто никогда не видел на Урале леопарда. До поздней осени охотник преследовал и подстерегал незнакомого с людскими повадками, но всё же очень осторожного зверя, и однажды выстрел достиг своей цели. Раненая пантера пустилась в отчаянное бегство, а человек пошёл за ней по следу из капель красной, как и у всякого земного зверя, крови.

Поднимаясь всё выше в горы, зверь снова начал изменяться, переходя в новую и самую уязвимую свою форму. Только вода теперь капала из раны, но и она вскоре замёрзла. Ветер сдул превратившуюся в иней шерсть, и голубовато-белое тело с чуть более тёмными пятнами стало почти прозрачным. Комок льда, имеющий форму большой кошки, плавно перетекал через нагромождения каменных глыб, двигаясь к своей цели – заснеженной вершине самой высокой горы. В последний раз взглянув вниз, под начавшимся снегопадом ледяная пантера улеглась рядом с ближайшей скалой, вновь возвращаясь к спасительной неподвижности твёрдого камня. Снег постепенно покрывал её, и пришедший через несколько часов человек не заметил ничего, что говорило бы о присутствии жизни.

Написано 11 июля 2008 г, отредактировано 24 ноября 2009 г.

Snowy Wolfy

snowywolfy@gmail.com

Жил был на свете мышиный король.
Кот был обычный, ходил с бородой.
Мышей он не ел, он рыбу ловил.
Народ защищал и еду им дарил.

Ему доверяли все жизни свои.
Коту помогали, его берегли.
Но только в любви никто не помог.
Был наш король, увы, одинок…

И как то на днях, из дальних земель.
Принесло вдруг принцессу по имени Эль.
Рыжая кошка с глазами как мёд!
Сама грациозность, мурчит, как поёт.

Король ту принцессу, когда увидал.
То сразу влюбился и к лапам припал.
А рыжая бестия крутила котом.
Король позабыл почти обо всём…

С принцессы король глаз не сводил.
И денно и нощно её обходил.
Но вот ведь беда, не знал он о том.
Что ела мышей она перед сном.

Народ королю пытался сказать.
“Эта плутовка нас хочет сожрать!”
Но кот, словно глух к мольбам и слезам.
“Ну что же за вздор! Не верю я вам!”

А время всё шло, и кот был всё глух.
Остался один в королевстве, лопух…
Когда кошка съела весь бедный народ.
Сказала “Пока!” и исчезла в тот год.

Судьба королевства, как видно теперь,
Пустое лишь место, и обманутый зверь.
Влюбившийся он или бывший король,
Теперь просто кот, с седой бородой.

Snow
sowolf@ymail.com

Волчий вой

Над облаком курчавым,
С ромашками в руках
Качает месяц звёзды
На белых поводках…

А звездам счету нету,
Куда не посмотри,
Поляны изумрудов,
Печальные огни…

Я здесь, средь серых веток,
Камней, осколков льда
Растапливаю небо,
Чтобы пришла весна!

Волк

Мне кажется, под океаном льда,
Есть океан огня…
И тот, кто смотрит в никуда,
Смеётся уходя…

Его черты скрывает мрак,
Он точно знает цель.
Так слажена работа лап,
До кончиков ушей.

И в небе паутинка звёзд,
На тоненьких ветвях.
Где растворился снежный волк,
В рентгеновских лучах…

Нежный шторм

Только чистые поля,
Только белое море снега.
В них вплетается черный след,
От неистового бега.

Словно запах весны бодрит,
Этой снежной стихии сила.
Разбивая о черный гранит,
Все что было.

StormWind

stormcanine@yandex.ru

Отворить дверь нельзя -
это огонь и лед;
Где ручьи бегут
и деревья цветут,

от непробудной мглы
тает во сне мечта.
По перекрестку лет,
там, где сверкает тьма -

вой, через тишину,
под свой узор земной.
Ты отворяешь сну
дальний ночной покой -

каплями на стекло,
как ни просто звучит.
Брызги из под колес,
пока ветер молчит.

Линией, внешней, ты
можешь помочь и мне -
в собственном серебре;
Призрак найти себе -

как через много лет;
Вспомнив слезу ночей,
кто-то просил ответ,
- Внутрь идти больней.

Мы не готовы знать,
что же готовит нам
Солнечная печать;
Ритмами по устам..

Я бы очень хотел,
чтоб вы нашли приют.
Под бесконечность стрел,
дом, ведь и правда, ждут...

* * *

Внутреннее перекрыто,
попытка осознания.

Дальние реки,
переворачивая Внимание -

нанизывают Символы, на новые Волны
Системы.

перенос данных через Стены;
стены, стены -

Открытые, через мгновения, Поля,
- Земля.

И опять Зверь я.

Taka-Timon
Kent869@yandex.ru

Взаимосвязь

Друг вроде есть,
А «Друга» нет...
- Привет!
- Привет...
Простой вопрос —
Простой ответ.
Пишу тебе,
В ответ молчишь.
Или под «скрытым»
Статусом сидишь.
В «игнор» добавить
Не посмел,
Но и оставил не у дел.
- Как жизнь твоя? —
Опять молчит...
- Ты занят?..
Пишешь словно в щит.
Что сделал я
Тогда не так?
Чем я нарушил
Складный лад?
Ведь раньше
Ночью в тишине,
Секретами
Делился мне...
И телефонный
Тот звонок,
Мне пофиг на баланс
Лишь был бы толк...
Но ты молчишь...
Опять...
- Мне нечего сказать.
- Пока?..
- Пока...
И так уж год прошел
С тех пор.
Кто вынес
Этот приговор?..

Редакция журнала АРФИ выражает благодарность всем авторам, приславшим свои работы. Связаться с авторами, упомянутыми в журнале, можно по приведенным ниже адресам:

Аррисар Эсарен	<arrisar@gmail.com>
Bastas777	<bastas777@mail.ru>
Дженни	<maali2007@rambler.ru>
Фаэрт	<tigr-i-k@yandex.ru>
Foxel the lion	<foxel@quickfox.ru>
Gold-Black Riddle	<nastm@yandex.ru>
Hidden Fox	<alexey-fox1@yandex.ru>
Hunter	<madera@bk.ru>
Jeewes	<Jeewes@mail.ru>
Just Foxy	<Just-Foxy@ya.ru>
Koul	<2078j@mail.ru>
Lonelywolf	<hppp@yandex.ru>
Max Haibane (MR)	<max_records@hotbox.ru>
Мяддиб	<java-company@list.ru>
Namiri	<namiri@mail.ru>
Orphen-sirius	<ald88@mail.ru>
Рагнарек	<mouse-ariec@mail.ru>
Ranmaru	<ranmaru@mail.ru>
Саурриан Айлириэн	<saurrian@rambler.ru>
Selker	<selker@yandex.ru>
Сиш	<sycreich@gmail.com>
Snowy Wolfy	<snowywolfy@gmail.com>
Snow	<sowolf@ymail.com>
StormWind	<stormcanine@yandex.ru>
Taka-Timon	<Kent869@yandex.ru>
Редакция **АРФИ**	<stormcanine@yandex.ru>

Обложка:	**Selker**
Внутренняя обложка:	**Orphen-sirius**
Иллюстрации оглавления:	**Bastas777, Max Haibane**
Иллюстрация стр. 59:	**Сиш**

авторство других рисунков указано в оглавлении

Главный редактор:	**StormWind**
Музыкальный диск:	**HMage, Lozi**
Верстка, дизайн:	**StormWind, Namiri**
Корректоры:	**Jeewes, авторы произведений**
Печать:	**АРФИ**

К печатному изданию АРФИ прилагается компакт-диск с музыкальными произведениями Furry-авторов. Треклист приведен в оглавлении журнала.

Если Вы заинтересованы в участии или содействии проекту, просим Вас связаться с Редакцией журнала АРФИ. Ждём Ваших писем.

Сайты, входящие в содружество:

АРФИ
http://arfi.furnation.ru
<stormcanine@yandex.ru>

MRFF
http://mrff.furnation.ru
<lozi@inbox.ru>

FURNATION.RU
http://www.furnation.ru

Audio-CD by HMage <hmage@hmage.ru>
Редакция АРФИ <stormcanine@yandex.ru>

Создатели журнала выражают признательность авторам и всей пушистой общественности за участие и посильную помощь.
До скорых встреч и спасибо за внимание!

Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех жанров и направлений! Присылайте свои работы.

Russian Furry Publishers 2009-2010
АРФИ 2009
60 стр.
Тираж: экз.